

DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.015

УДК 378.048.2(470+571):343.352

Ю.В. Латов
СИМУЛЯКРЫ ЗНАНИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА
В СФЕРЕ АНДРАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

СИМУЛЯКРЫ ЗНАНИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
НЕРАВЕНСТВА В СФЕРЕ АНДРАГОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

KNOWLEDGE SIMULACRA AND EDUCATION
INEQUALITIES IN ANDRAGOGIC EDUCATION

ЛАТОВ Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра Академии управления МВД России. E-mail: nnsedova@wciom.com.

LATOV Yuri Valer'evich – Doctor of Social Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading researcher, Scientific Centre of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia E-mail: nnsedova@wciom.com.

Аннотация. В странах догоняющего развития, включая Россию, производство знаний нередко заменяется производством симулякров знаний: многие учащиеся систем дополнительного образования ориентированы на получение не реальных знаний, а дипломов, которые не подкреплены знаниями. Развитие производства симулякров знаний ведет к усилению образовательных неравенств и деградации общества, примером чего является развитие экзаменационной системы в средневековых странах конфуцианской цивилизации.

Abstract. In catching-up countries, like Russia, the production of knowledge is replaced by the production of the knowledge simulacra: many students pursuing additional education are oriented towards getting diplomas rather than actual knowledge. The development of simulacra production leads towards educational inequality and society`s degradation. An example of this would be the development of the examination system in the medieval countries of Confucian civilization.

Ключевые слова: симулякры, социальное неравенство, андрагогическое образование, дополнительное образование, коррупция, теневые экономические отношения, экзаменационная система, догоняющее развитие.

Keywords: simulacra, social inequality, andragogic education, additional education, corruption, shadow economic relationships, examination system, catching-up development.

В октябре 2013 г. российские СМИ сообщили о нетривиальном решении президента Дагестана Рамазана Абдулатипова — готовящемся закрытии более 60 действующих в Дагестане филиалов различных вузов. Причина заключается отнюдь не в том, что дагестанцы больше не нуждаются в высшем образовании. Президент обосновал свое решение следующим образом: все эти филиалы на самом деле являются «будками по выдаче дипломов». Поэтому оставить планируется лишь 1/10 от прежнего числа филиалов, а «все остальные должны уйти. Они портят наших детей, мы получаем дипломы, но не специалистов» [5].

Этот, казалось бы, локально-географический эпизод приоткрывает большую проблему, поскольку таких «будок для выдачи дипломов» немало и в других регионах России. Данный конкретный пример — частное проявление более общего социально-экономического феномена — подмены производства знаний производством симулякров знаний. В принципе он в той или иной степени наблюдается во всем мире, но наиболее типично для стран догоняющего развития, где образование, наряду с функцией приращения человеческого капитала, выполняет еще одну специфическую функцию, на которую редко обращают внимание. Речь идет о приращении такого ресурса, как «социальный капитал» — приращении социального престижа, что во многих случаях способствует повышению благосостояния, не сопровождаясь повышением производительности человека как работника.

В странах догоняющего развития, копирующих, как правило, институты более развитых стран, практически всегда в самых разных сферах деятельности возникают «потемкинские деревни». Стремление если не быть развитыми, то хотя бы казаться таковыми, приводит к копированию форм, в значительной мере лишенных содержания. В наиболее ярком виде эта тенденция проявляется в африканских странах «четвертого мира»: страна может формально иметь конституцию, политические партии, профессиональную бюрократию, но за ними скрываются неформальные традиции, племенные междоусобицы и институциональная коррупция. Система образования, включая дополнительное (послевузовское) образование, также становится сферой имитаций.

В современной России диктуют спрос на дополнительное образование два сильных социальных фактора:

- наличие высшего образования и даже научной степени рассматривается как обязательный атрибут руководителя высокого ранга (или того, кого собираются выдвигать на руководство);
- наличие диплома о высшем образовании становится желательным и нередко необходимым формальным условием для приема на работу в бизнес-организации даже на должности, заведомо не требующие высшего образования.

В обоих случаях спрос предъявляют, в сущности, не на образование, а на формальные символы знаний («корочки»). Для удовлетворения именно такого спроса возникает предложение — симуляция реального образовательного процесса. В результате параллельно с институтами *реального* дополнительного образования, производящими знания, развиваются институты *мнимого* дополнительного образования, производящие символы несуществующих знаний — *симулякры знаний*¹.

Сферы производства симулякров знаний

Проблема производства симулякров в российском послевузовском образовании является в значительной степени «белым пятном». Это объясняется тем, что здесь наблюдается своего рода «преступление без жертв»: и те, кто желает получить диплом, не подкрепленный знаниями, и те, кто помогает желающим получить такие дипломы, видят в имитации институтов образования возможность удовлетворить свои потребности.

¹ Термин «симулякр» введен французским философом Ж. Бодрийяром для обозначения символов несуществующих объектов (в частности диплом об образовании может быть как символом реальных знаний, так и символом несуществующих знаний).

Ущерб несут «третьи лица» — те, кто не является ни продавцом, ни покупателем символов несуществующих знаний. Это работники, имеющие равные (или даже более высокие) основания занимать рабочие места, от которых их оттесняют владельцы симулякров знаний. «Третьими лицами» могут быть и потребители, которые несут ущерб из-за того, что производством продукции для них занимаются не те, кто больше знает и умеет, а те, кто приобрел «крутые корочки». Но если в общеизвестных примерах «преступлений без жертв» (как, например, торговля наркотиками) связь ущерба «третьим лицам» с производством вредных «благ» очевидна, то имитация дополнительного образования часто не оставляет «улик». Сталкиваясь с непрофессионализмом лица с якобы высоким образованием, потребитель не знает, является ли это результатом недостатков системы образования («человек учился, но не доучился») или имитации образования как такового («человек делал вид, что учился»).

О проблеме производства симулякров знаний в системе адрагогического образования (образования для взрослых людей) все что-то знают, но точных сведений ни у кого нет. Тем не менее в первом приближении можно выделить две основные сферы этого производства: производство мнимых диссертаций и производство мнимых знаний в системах заочного (дистанционного) и/или вечернего образования.

Проблема симуляции диссертационных защит давно привлекла внимание научной общественности России и контролирующих органов [1, 15, 17]. Так, в 2012 г. фонд «Историческая память» обвинил в диссертационном плагиате губернатора Кировской области. В начале 2013 г. после скандальной отмены нескольких диссертационных защит (в числе «липовых» диссертантов были глава управы столичного района Замоскворечье и начальник аппарата уполномоченного по правам человека по Астраханской области) Высшая аттестационная комиссия (ВАК) вообще инициировала обсуждение запрета защищать диссертации тем, кто находится на государственной службе, подразумевая в первую очередь именно «начальников». Руководитель ВАКа В. Филиппов справедливо отметил: «сейчас в обществе есть понимание проблемы, что на защиту диссертаций выходят бизнесмены, которые их просто покупают, и достаточно большое количество чиновников, которые защищают диссертации, потому что им это нужно» [12]². По некоторым оценкам, примерно 1/4-1/3 ежегодно защищаемых диссертаций — это работы, написанные по заказу диссертанта сторонними людьми за деньги [14].

Скандальные сообщения СМИ о «липовых» диссертациях «больших начальников» отвлекают внимание от менее сенсационной, но отнюдь не менее важной проблемы «липовых» дипломов нечиновных граждан, имитирующих получение образования в различных видах заочного (дистанционного) или вечернего обучения. Если в получении симулякров диссертационных дипломов заинтересованы в основном представители элиты, то в получении симулякров дипломов о заочном/вечернем образовании заинтересованы очень многие.

О масштабах спроса на симулякры знаний свидетельствуют данные проведенного в 2009 г. социологами Левада-Центра репрезентативного опроса городской молодежи: только 32% тех, кто учится или учился в вузе, замечал в своих сотоварищах по вузу стремление к качественному образованию, зато 56% полагали, что «главное для их коллег — просто получить диплом как таковой» [7, с. 43]. Можно предположить, что среди учащихся системы дополнительного образования, которые знакомы с практической полезностью знаний, доля стремящихся получить симулякры знаний будет ниже, чем у учащихся вузов. Однако тезис о

² Скандалы с диссертационным плагиатом у высокопоставленных чиновников бывают даже в развитых странах — можно сослаться, например, на скандал с министром обороны Германии в 2012 г., когда уличенный в списывании автор докторской диссертации был вынужден отказаться от степени и уйти в отставку.

практической полезности знаний в современных российских условиях отнюдь не аксиоматичен.

Как видят эту ситуацию рядовые граждане, можно узнать, например, из следующей реплики в Интернете по поводу статьи о том, что «Коррупция в образовании обесценила российские дипломы»: *«Многие фирмы сейчас при приеме на работу требуют ВО [высшее образование], поэтому 80% учатся ради корочки, а не ради самого образования и знаний. Все знают, что друзья, знакомые помогут с трудоустройством ребенка, но надо ВО, поэтому их тупо запикивают на заочное отделение какого-нибудь сельскохозяйственного вуза, платят (покупают) оценки, а чадо идет (с гордым видом) работать менеджером и торгует парфюмерией»* [9]. В Интернете легко можно найти и «бесхитростные» рекламные объявления тех, кто за «умеренную плату» готов помочь желающим иметь «корочки», а не знания³.

Покупка диплома, конечно, далеко не всегда принимает откровенные формы обмена денег на диплом — в конце концов, подделка дипломов является уголовным преступлением. Гораздо чаще наблюдаются более «мягкие» формы этого явления.

Те потребители, которые хотят получить прежде всего документ о дополнительном образовании, а не реальные знания и профессиональные навыки, образуют особый сегмент сферы дополнительного образования. На обслуживание именно этого сегмента работают образовательные центры с простодушно-завлекательными названиями типа «Карьера...» или «Образование...». Эти центры сочетают дешевизну услуг с их низким качеством: учебные программы не адекватны заявленному содержанию, аттестация по окончании курса формальна (глубина и качество усвоенного материала не контролируются). Интересно, что дешевыми услугами этих производителей симулякров пользуются не только работники-«корочкоискатели», но и «скупые работодатели, у которых есть потребность или желание организовать «повышение квалификации» своему персоналу» [4].

Относительное безразличие работодателей к реальному содержанию образования их работников может в принципе иметь рациональный смысл. В современной литературе о проблемах дополнительного образования отмечается, что очень часто «работодатель никаких особых знаний от работника не требует» — «от работника требуются... не знания, а способность их усвоить», поскольку прикладные знания «работодатель предоставит работнику сам, посредством системы внутрифирменного обучения» [6, с. 30]. Однако замена со стороны работодателя спроса на знания «спросом на образованность» не отменяет проблемы симулякров — только тогда надо вести речь скорее о симулякрах навыков получения знаний, чем о симулякрах знаний как таковых.

³ Вот один из ярких примеров подобного рода: «Вам очень хочется получить диплом бакалавра, а вот со временем туговато, от 4 до 6 лет тратить на учебу не совсем хочется, а без диплома хорошую работу не получишь. Многие сейчас покупают дипломы, но некоторые не очень качественно сделаны, у нас все делается на высшем уровне. Наши специалисты делают все, как положено, с мокрой печатью и оформлением всего необходимого. В наше время молодым людям не стоит тратить время на просиживание пар, за изучение кип учебников, сдачу экзаменов и зачетов, их пересдачу, трату нервов, преодолевать все препятствия, которые настроили бюрократы, а лучше проведите это время с пользой для себя, потратьте время на прогулки и друзей. За учебное время вы потратите в 3-5 раз больше средств, чем при покупке готового диплома. И если купите диплом у нас, то вы будете довольны качеством и стоимостью, да и сроки его получения вас приятно удивят. Если вам нужно строить карьеру, то лучше не упускайте этот шанс. Купив диплом бакалавра, вы сэкономите время, деньги, нервы и получите возможность идти по карьерной лестнице вверх, уже сейчас, а не тогда, когда вам скажут, что вы уже вышли с возраста, когда можно начинать карьеру». Цитируется объявление на главной странице сервера с красноречиво-завлекающим названием «Настоящие дипломы» (http://www.diplom-original.com/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=7).

Приобретение символов знаний без самих знаний всегда связано с коррупцией в тех или иных формах. Представителям элиты престижные «корочки» могут давать «из уважения»⁴, в то время как представители незлитных групп за не подтвержденные реальными знаниями «корочки» обычно вынуждены платить. Во время общероссийского социологического опроса по репрезентативной выборке, организованного Фондом «Общественное мнение», было обнаружено, в частности, что коррупционные расходы москвичей в институтах и на курсах повышения квалификации для взрослых в 2003/2004 учебном году составляли 60% от общих расходов семей на данный вид образования — это самый высокий уровень коррупционной составляющей по всем видам образования [4, с. 310]. На курсах профессиональной подготовки, переподготовки и в бизнес-школах уровень коррупционных расходов у немосквичей тоже оказался довольно высоким — примерно 30% от общих расходов семей на данный вид образования. На основе этих оценок авторы исследования сделали правомерный вывод — «данные показывают, что практика покупок свидетельств о прохождении переподготовки, о которой приходится слышать время от времени, действительно широко распространена» [4, с. 311]. Парадокс в том, что при оплате работы учебных центров, производящих симулякры знаний, коррупционными расходами фактически становится абсолютно легальная плата за обучение (которого на самом деле не было).

Социальные последствия производства симулякров знаний

Система непрерывного образования, работающая на производство знаний, может в принципе как усиливать социальное неравенство (при нарушении эгалитарных принципов доступа к образованию), так и ослаблять его (при соблюдении этих принципов). Выполнение системой непрерывного образования функции обеспечения элиты символами знаний работает только на усиление социальной дифференциации независимо от того, платным или бесплатным является процесс обеспечения «начальников» символическими благами. Получение незлитными учащимися символов знаний, не подкрепленных знаниями, тоже будет работать на рост социального неравенства.

Конечно, размеры «нормальных» взяток преподавателям обычно не являются запретительно высокими даже для небогатых учащихся. Однако когда владельцы суррогатных дипломов придут работать, то не смогут подкрепить свой диплом более высокой производительностью и вряд ли добьются высокой оплаты. Самое главное, широкое распространение «покупки» дипломов ведет к их девальвации. В результате этого отрицательного экстернального эффекта те люди, чьи дипломы соответствуют их знаниям, будут вынуждены уменьшить уровень своих притязаний. В частности, опрос российских работодателей в середине 2000-х годов зафиксировал, что «уровень образования занимает последнее место среди характеристик, учитываемых при приеме на работу: в качестве главного достоинства нанимаемого его указали лишь 15% респондентов» [16, с. 60]. В любом случае подмена производства знаний производством симулякров знаний ведет к падению экономической эффективности⁵.

⁴ Не касаясь свежих примеров диссертационных защит представителей постсоветских элит, сошлемся лишь на исторический казус: последняя российская императрица Александра Федоровна, будучи еще принцессой Алисой, посещала лекции в Гейдельбергском университете, где получила диплом бакалавра философии; ее последующая судьба (в частности аномальное увлечение мистицизмом) убедительно показывает, что супруга Николая II получила скорее симулякр философских знаний, чем реальные знания.

⁵ Это проявляется не только в торможении роста производительности труда, но и во «взяточобучении» [3].

Производство знаний/навыков и производство симулякров знаний соотносятся как официальная и теневая (коррупционная) деятельность образовательной системы⁶. Сосуществование этих двух видов деятельности в системах догоняющего и дополнительного образования не может не деформировать систему образования как таковую. Преподаватели, вовлеченные в процесс производства симулякров, привыкают симулировать учебный процесс, постепенно теряя способность давать знания и навыки тем учащимся, кто хочет их получить.

Анализ взаимовлияния систем образования для взрослых и социальной дифференциации в современной России должен обязательно учитывать, в каких пропорциях в этих системах присутствуют четыре группы учащихся (см. табл.) с разным социальным статусом и с различной мотивацией.

Таблица 1 Дифференциация учащихся по социальному статусу и целям образования

Социальный статус	Цели образования	
	Мотивация на получение знаний («искатели знаний»)	Мотивация на получение симулякров знаний («корочкоискатели»)
Представители элиты	«Образцовые джентльмены»	«Золотая молодежь» и «большие начальники»
Представители неэлиты	«Способные выскочки»	«Бездарные проходимцы»

С некоторой долей условности можно выделить четыре качественно различные группы учащихся:

- «образцовые джентльмены» — представители элиты, которые ориентированы на получение глубоких знаний и, становясь высококвалифицированными специалистами, выступают как «столпы общества»;
- «способные выскочки» — выходцы из неэлитных слоев, которые мотивированы на получение знаний, поскольку считают карьеру высококвалифицированного специалиста главным способом «выбиться в люди»;
- «золотая молодежь» и «большие начальники» — представители элиты, которые убеждены в возможности добиться жизненного успеха без особых знаний (за счет личных связей и/или унаследованного богатства), а потому ориентированы на получение симулякров знаний;
- «бездарные проходимцы» — выходцы из неэлитных слоев, которые планируют делать карьеру не за счет знаний, а иными методами (за счет личной преданности, «подсигивания» коллег, сексуальных связей и т.д.) и потому нуждаются в симулякрах знаний как «пропуске» в нужную им социальную среду.

В идеальном информационном/постиндустриальном обществе категории учащихся, ориентированных на получение симулякров знаний, должны отсутствовать «как класс». При этом соотношение категорий «образцовых джентльменов» и «способных выскочек» должно быть для догоняющего образования значительно ниже, чем соотношение элитных и неэлитных групп в населении (поскольку догоняющее образование предназначено прежде всего для

⁶ Об этих аспектах коррупции в системе высшего образования см. прежде всего работы украинского специалиста по экономике образования А.Л. Осипяна [10, 11].

помощи социально приниженным слоям), а для дополнительного образования — примерно равным соотношению элитных и неэлитных социальных групп.

Если же мотивация на получение знаний уступает мотивации на получение симулякров знаний, то общество обречено на застой.

Исторический опыт подмены производства знаний производством симулякров знаний

История знает длительный опыт активного использования системы образования для взрослых в качестве одного из основных механизмов комплектации государственной элиты. Речь идет об экзаменационной системе в средневековых странах конфуцианского региона (Китай, Корея, Вьетнам, раннесредневековая Япония).

Именно в Китае почти полторы тысячи лет назад, в начале VII в., была изобретена система государственных экзаменов («кэцзюй») — проверки нормативных знаний⁷. Экзамены имели три уровня (уездные — провинциальные — столичные экзамены) и проводились через каждые 3 года. Чем выше был уровень экзаменов, тем сложнее их было пройти, так что экзамены первого уровня приходили сдавать сотни тысяч, но экзамены высшего уровня успешно сдавало лишь несколько сотен или даже десятков человек. Прохождение экзаменов на завершающем этапе становилось «пропуском» в ряды элиты государственных чиновников⁸. К этим экзаменам готовились годами или даже десятилетиями, поэтому экзаменуемые были уже взрослыми людьми — экзамен на получение первой степени (на уездном уровне) обычно сдавали к 30 годам⁹.

Образованность (а не знатность и воинская доблесть, как в Европе) считалась в средневековых конфуцианских странах главным фактором социальной стратификации и пользовалась настолько высоким уважением, что эти страны можно назвать самым ранним примером «общества знаний». Поскольку к экзаменам допускали в принципе любого, независимо от социального происхождения, то данная система, казалось бы, должна была обеспечить меритократию (буквально — «власть достойных») и эффективное государственное развитие. Именно поэтому китайский общественный строй вызывал на первых порах восторг европейских мыслителей-просветителей, который затем сменился разочарованием. Дело в том, что хотя подготовка к экзаменам требовала в Китае очень больших затрат сил и времени, однако типичная для восточных стран коррупция позволяла представителям элиты обходить суровые правила, а знания тех, кто подчинялся этим правилам, оставляли желать лучшего.

Известно, в частности, что обман на экзаменах стал в традиционном Китае весьма распространенным явлением. Экзаменуемые старались тайком принести в экзаменационные павильоны «конспекты» или вообще послать вместо себя нанятого интеллектуала. Появилась даже китайская пословица: «чтобы выдержать экзамен, нужно обладать резвостью скакуна, упрямством осла, неразборчивостью вши, выносливостью верблюда». Чтобы уличить соискателей, которые отличались главным образом «неразборчивостью вши», организаторы экзаменов тщательно обыскивали соискателей на

⁷ Считается, что классическая экзаменационная система Китая функционировала с перерывами с 605 г. до 1905 г. Первые элементы этой системы появились еще в эпоху древнего мира — уже в 165 г. до н.э. кандидаты на должности государственных служащих вызывались императором в столицу для прохождения теста на моральные качества.

⁸ Об императорских экзаменах в Китае см. [2; 13, с. 427–433].

⁹ Хрестоматийный пример — жизнь знаменитого китайского писателя рубежа XVII–XVIII вв. Пу Сун-Лина, который много раз «проваливал» экзамены и смог получить низшее чиновничье звание лишь незадолго до смерти, сдав экзамены в возрасте 89 (!) лет. Еще более известный китайский писатель XVI в. У Чэньэнь, автор классического «Путешествия на Запад», на протяжении жизни 3 раза сдавал императорский экзамен, но так и не смог его успешно пройти.

предмет выявления «шпаргалок». Тем не менее коррупция экзаменационной системы приобрела в позднее Средневековье такие масштабы, что в середине XVII в. в Китае прошли судебные процессы по этому поводу. Конечно, коррупция экзаменационной системы разрушала ее эгалитаризм, поскольку богатые соискатели заведомо имели более высокие возможности для подкупа.

Другой негативной стороной китайской экзаменационной системы было очень консервативное содержание «экзаменационных дисциплин» — оно хотя и тренировало память, но не имело никакого отношения к практической деятельности. Самым важным элементом государственного экзамена постепенно стало написание сочинения по классической конфуцианской литературе, требующее заучивания наизусть больших объемов текста. Экзаменационная система отбраковывала неординарных людей, помогая делать карьеру в первую очередь начетчикам и конформистам. Те, кто стремился делать карьеру, хорошо понимали существенный разрыв между экзаменационными требованиями и практическими навыками чиновника, и поэтому имели сильный стимул к оппортунистическому поведению на экзаменах.

Таким образом, в конфуцианской экзаменационной системе (особенно, в поздний период) учащиеся, ориентированные на получение симулякров знаний, доминировали над учащимися, стремящимися к реальным знаниям. В результате в новое время китайская экзаменационная система функционировала уже не столько как социальный лифт, сколько как самовоспроизводство малоэффективной бюрократии, медленно и частично обновляемой выходцами из нечиновных, но состоятельных социальных слоев. Меритократическая «империя ученых» превращалась в царство коррумпированных бюрократов, лучшие из которых плохо знали географию и еще хуже математику, зато могли умно рассуждать о литературе двухтысячелетней давности, худшие же не могли даже этого. Застой в сфере образования стал одним из факторов застоя китайского общества в целом, которое превратилось в XIX в. в полуколонию европейских держав.

Печальный опыт конфуцианской цивилизации показывает те опасности, которые и в современную эпоху очень актуальны для стран догоняющего развития (включая Россию). Повышение престижа знаний обязательно должно сопровождаться практической направленностью знаний и соблюдением эгалитарных норм в доступе к получению знаний, иначе результат от развития системы образования будет скорее отрицательным, чем положительным.

Литература

- 1 Балацкий Е. В. Диссертационная ловушка // Свободная мысль — XXI. 2005. № 2.
- 2 Боровская Н. Е. Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. 2005. № 10.
- 3 Галицкий Е. Б. Взяткообучение и его социальные последствия // Вопросы образования. 2008. № 3.
- 4 Галицкий Е. Б., Левин М. И. Затраты домохозяйств на образование детей и взрослых : (по результатам третьей волны мониторинга «Экономика образования») // Вопросы образования. 2005. № 2.
- 5 Гришин А. В Дагестане прикроют «будки для выдачи дипломов» // Комсомольская правда. 2013. 26 октября.

- 6 Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты / Дубин Б. В., Гудков Л. Д., Левинсон А. Г. [и др.] // Доступность высшего образования в России. М. : Независ. ин-т соц. политики, 2004.
- 7 Дубин Б. Качество или диплом? // Pro et Contra. 2010. № 3 (49).
- 8 Казаченко И. Кто нуждается в дополнительном образовании? // Институт проблем предпринимательства : [веб-сайт]. 2009. 28 апр. URL: <http://www.ipnou.ru/article.php?idarticle=006112>.
- 9 Коррупция в образовании обесценила российские дипломы // Newsland : [веб-сайт]. 2009. 2 дек. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/439610>.
- 10 Осипян А. Коррупция в высшем образовании: США, Россия, Великобритания. 2007. URL: http://mpira.ub.uni-muenchen.de/20215/1/MPRA_paper_20215.pdf.
- 11 Осипян А. Л. Коррупция в последипломном образовании // Terra Economicus. 2010. Т. 8, № 3.
- 12 Панов П. ВАК и Минобрнауки закроют чиновникам и депутатам путь в доктора // Известия. 2013. 20 февр.
- 13 Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000.
- 14 Симакин Д. Доктора невидимого фронта. Почти треть защищенных в последние годы диссертаций написана за деньги // Независимая газета. 2006. 24 марта.
- 15 Скобликов П. А. Бизнес на диссертациях в терминах и понятиях // Криминология. 2013. № 1.
- 16 Требования работодателей к системе профессионального образования / под ред. Т. Л. Клячко, Г. А. Красновой. М. : МАКС Пресс, 2006.
- 17 Osipian A. Economics of corruption in doctoral education: the dissertations market // Economics of Education Review. 2012. Vol. 31, Iss. 1.